

Запутанные связи семьи Лю.

Через полчаса министр Лю вышел из императорского кабинета в замешательстве, всё ещё держа в руках свиток. Вернувшись домой, он встретил встревоженный взгляд жены. Та сразу спросила:

— Император отказался помочь со сватовством?

Господин Лю покачал головой:

— Нет, Его Величество не просто согласился — он нашёл присланный портрет слишком заурадным и велел придворным художникам написать новый.

— Тогда почему ты такой хмурый? Я уж подумала, ты снова попал под раздачу из-за своего двоюродного брата, — с облегчением вздохнула госпожа Лю.

— Женщинам не стоит столько болтать, — проворчал господин Лю, кладя свиток на стол. — Позови сяо-Саньцзы, пусть найдёт хорошего мастера, чтобы сделать для него раму. Я повешу его в главном зале.

Госпожа Лю с удивлением посмотрела на мужа, решив, что он, должно быть, заболел:

— Зачем вешать в главном зале портрет принцессы Корё?

— Тот портрет остался во дворце. А это — личный указ императора о пожаловании мне титула, — ответил господин Лю, осторожно развязывая шнурок.

— Император пожаловал тебе титул? — радостно воскликнула женщина и поспешила взглянуть на надпись.

На рисовой бумаге с золотым напылением каллиграфическим почерком были выведены несколько крупных, изящных иероглифов, излучающих величие и мощь:

«Первая сваха Поднебесной»

Господин Лю испытывал противоречивые чувства. С одной стороны — радость. С другой — досада: таким титулом особо не похвастаешься. В конце концов, он был уважаемым чиновником при дворе, а не базарной свахой в ярких одеждах и с цветком за ухом.

В императорском кабинете придворный художник, внимательно изучив присланный из Корё портрет, спросил:

— Как именно Его Величество желает его изменить?

— Нарисуйте её как можно красивее, — коротко сказал Чу Юань. — Не беспокойтесь о её реальной внешности.

Художник почтительно поклонился и удалился. Только после этого из-за ширмы вышел Шэнь Цяньфань и, хмурясь, спросил:

— Ваше Величество действительно намерены устроить сватовство для князя Синаня?

— Всего лишь небольшая услуга, — небрежно отозвался Чу Юань, отставляя чашку с чаем. — К тому же князь Синаня уже не молод, пора бы и остепениться.

Генерал нахмурился:

«Разве и этим должен заниматься император?»

— В семье Лю он, пожалуй, единственный, кого можно назвать по-настоящему преданным, — резко продолжил Чу Юань.

— А как же старший министр*? — уточнил Шэнь Цяньфань.

*左丞 (zuǒ chéng xiàng) — «Левый чэнсян» / «Канцлер слева»; это первый (или второй) по значимости министр в древнем Китае, чья роль зависела от династии. Его можно сравнить с вице-премьером или главным секретарём правительства, но с большей властью в традиционной системе.

— Лю Ишуй? Он старый лис. Язык не повернётся назвать его предателем, но и верным соратником он не является, — ответил Чу Юань. — Впрочем, если проявит благоразумие — трогать его я не собираюсь.

— Верно, — кивнул генерал. — Если устранить семью Лю, пострадают многие чиновники. Это вызовет панику. А если старший министр останется, он сможет сгладить ситуацию.

Император вздохнул и, откинувшись на троне, закрыл глаза.

Семья Лю происходила из рода вдовствующей императрицы. Их влияние было обширным, а связи — запутанными, как корни старого дерева. В столице шептались, что их особняк на

улице Чжэньян становился всё роскошнее — почти сравнялся по величю с императорским дворцом.

Глава семьи, Лю Гун, некогда командовал северо-восточными войсками и сосредоточил в своих руках немалую военную власть. Однако покойный император в течение десятилетия методично урезал его полномочия. А на смертном одре, созвав всех гражданских и военных сановников, объявил своим наследником Чу Юаня — а не князя* Чу Сяна, которого поддерживала семья Лю.

*高王 (Gāo Wáng) — «Высокий князь» или «Князь Гао». Титул «高王» указывает на высокий статус его носителя. В историческом контексте Китая такие титулы часто присваивались членам императорской семьи или влиятельным аристократам, чтобы подчеркнуть их положение и власть.

Сразу после восшествия на престол Чу Юань издал указ: разжаловал сводного брата в простолюдины и сослал на отдалённый остров в Юго-Западном море. Вместе с ним в ссылку отправился и пятый сын Лю Гуна — Лю Цзиньдэ, бывший губернатор провинции Ляо.

С этого момента характер отношений между императором и семьёй Лю стал совершенно очевиден.

И всё же внешне никто не терял лица. Обе стороны сохраняли показную вежливость и даже демонстрировали дружелюбие. Через год Лю Гун добровольно подал в отставку, заявив, что желает провести остаток жизни в покое, нянчась с внуками.

Народ воспринял это как поражение. Но Чу Юань понимал: будь Лю Гун в столице или в своём поместье — он всё ещё остаётся истинным главой семьи. Большинство чиновников, как гражданских, так и военных, связанных с семьёй Лю, по-прежнему исполняли его распоряжения.

Лишь двое выбивались из общего ряда. Первый — Лю Дацзюнь, тот самый, кто недавно просил помощи со сватовством. Его отношения с семьёй были поверхностны: прямолинейный, простодушный и лишённый амбиций, он всецело сосредоточился на работе в министерстве.

Второй — старший министр Лю Ишуй. Строго говоря, он не был родственником Лю Гуна, а лишь земляком, и свою должность получил благодаря совсем другому покровителю. Очень скрытный и хитрый человек, и понять, на чьей он стороне, было невозможно.

— Ваше Величество, генерал Шэнь, — донёсся голос евнуха Сыси. — Время ужинать.

— Уже так поздно? — очнулся Чу Юань. Хотя аппетита у него по-прежнему не было, он подумал, что Шэнь Цяньфань, проделавший долгий путь, наверняка проголодался. Он велел подать ужин и даже выпил с гостем несколько чаш вина. Только когда совсем стемнело, он велел Сыси проводить генерала.

— Если бы я был гражданским чиновником, вас стоило бы беспокоить, но я всего лишь военный. Господину евнуху не стоит утруждать себя, — с улыбкой сказал Шэнь Цяньфань, когда они подошли к воротам Чундэ. — Лучше возвращайтесь.

— Тогда желаю генералу доброго пути. Я должен вернуться — помочь Его Величеству с лекарствами, — добродушно отозвался Сыси.

Шэнь Цяньфань кивнул, развернулся и пошёл прочь. Но вдруг кто-то окликнул его.

— Художник Чжан? — разглядев фигуру, Шэнь вздохнул с облегчением. Он уж подумал, что это снова министр Лю со своей женьбой.

— Генерал Шэнь, — художник, с которым у него были хорошие отношения, без церемоний подошёл ближе. — Я услышал от сяо-Фу, что вы обедаете с императором, и решил подождать.

— Зачем? — удивился Шэнь Цяньфань.

— У меня к вам небольшая просьба. Сегодня Его Величество велел перерисовать портрет принцессы Корё — сказал, что изображение ему не нравится.

— Ну так перерисуй. Разве нужна моя помощь? — рассмеялся военный.

— Я уже закончил новый, но принцесса, если честно, не отличается особой красотой. Предыдущий художник, похоже, уже приукрасил её. Если я внесу ещё изменения, боюсь, она станет и вовсе неузнаваемой. Если бы я знал, для чего нужен этот портрет, мне было бы проще решить, как его изменить. Сейчас же я совсем не уверен в своих действиях, — быстро и немного сбивчиво пояснил художник, едва переводя дыхание.

— Портрет принёс господин Лю.

— А, значит, это для сватовства, — художник мгновенно всё понял.

Шэнь Цяньфань сдержал улыбку:

— Ты просто рисуй. Насколько будет не похоже — неважно.

«В конце концов, не сам же император женится. И красива она или нет — князь Синаня всё равно не согласится. Это всё забавы ради».

— Да-да, хорошо! Сейчас же отнесу портрет Его Величеству! — обрадовался художник Чжан, но не удержался от хвастовства: — Я её так хорошо нарисовал, взяв за образец первую

красавицу мира боевых искусств! Она получилась настолько прекрасной, что сватовство наверняка удастся.

Шэнь Цяньфань похлопал его по плечу и направился домой.

□□□

А в это время в городке Фудо («Город Изобилия») Дуань Яо возился с насекомыми в своей комнате, когда вдруг в окно проникли несколько человек. Он тут же, не раздумывая, метнул в них дротики.

— Свои! — крикнул тот, кто был впереди, едва увернувшись.

— Это вы?.. — Дуань Яо нахмурился.

«Что здесь делают наёмные убийцы из княжеской резиденции?»

— В поместье кое-что случилось, — ответил Дуань Нянь, приближённый Дуань Байюэ.

— Шифу снова воскрес? — напрягся Дуань Яо.

— Если бы он воскрес, то первым делом пришёл бы по твою душу, — произнёс вошедший в комнату Дуань Байюэ.

— ...

— Что там случилось? — спросил князь.

— Как и предполагалось, всего через несколько дней после вашего отъезда сокровищница была ограблена, — ответил Дуань Нянь.

— Украли те поддельные письма? — усмехнулся Дуань Байюэ.

— Да.

— Превосходно, — кивнул он с удовлетворением. — Раз уж вы здесь, поедете со мной в столицу. Главное — оставайтесь в тени.

Дуань Яо раздавил жучка пальцами и скривился.

«Ну да, даже ты сам туда пробираешься тайком, чего уж говорить о твоих подчинённых. Когда же уже, наконец, мы вернёмся домой?»

Весна выдалась холодной, погода и не думала налаживаться. Дуань Яо закутался в одежду до самых ушей, напоминая свежий баоцзы, и целыми днями отказывался выходить из повозки.

Только вот Дуань Байюэ, напротив, не торопился. Более того, во время поездки он даже находил время для эстетических удовольствий — заходил в музыкальные заведения*, чтобы послушать пение и игру на инструментах.

*酒樓 (gē fāng) — традиционное китайское заведение, где исполняются песни, музыка и танцы. В древности такие места посещались знатью и богатыми людьми ради отдыха и развлечений. Современным языком - что-то среднее между музыкальным театром и клубом.

Младший на это лишь молча вздыхал.

Так прошло около двадцати дней. Однажды, в одну из ночей, Дуань Яо вытащили из тёплой постели — на этот раз, чтобы «забрать» из почтовой станции императорский указ.

— Он и так был адресован мне, — сказал старший, вскрывая свиток. — Так что это не считается воровством.

Подросток на это только закатил глаза, но, потягивая горячий чай, подошёл ближе:

— И что там на этот раз?

Байюэ развернул указ и молча стал его читать. Также прочитав его содержимое, мальчишка удивился и спросил:

— Императору Чу есть дело до твоей женитьбы?

«Чем-то напоминает наших тётушек».

Мужчина развернул ещё один свиток.

— Император Чу хочет женить тебя на главе секты Усюэ (секта «Бесснежье»)? — на этот раз Дуань Яо был по-настоящему ошеломлён.

— Какая ещё глава Усюэ? Это корейская принцесса, написано же, — Дуань Байюэ постучал ему по лбу свитком.

— Принцесса Корё и глава секты Усюэ — родные сёстры? — Дуань Яо выхватил свиток, которым его стукнули, и поднёс к источнику света. — Да это же явно глава Усюэ! Первая красавица цзянху! Она и правда хороша собой.

Дуань Байюэ только усмехнулся, затем бросил и указ, и портрет в жаровню. Бумага вспыхнула и заплясала в пламени. После он подозвал Дуань Няня:

— Есть какие-нибудь новости?

— Есть, но... я ещё не всё выяснил, — замешкался тот.

— Говори, что знаешь.

— В столицу прибыл Шада.

— Он?.. — нахмурился Дуань Байюэ.

«А что тут удивляться? — мысленно хмыкнул Дуань Яо. — Ты ведь тоже сюда тайком приехал. Значит, тебе можно, а другим нельзя?»

— Почти наверняка это он. Пока что он остановился в одном из заложных домов*, наши люди обнаружили его случайно, — продолжил Дуань Нянь. — Кроме того, недавно убили его младшего брата, Гули, прямо в одном из столичных переулков. Император Чу сначала распорядился начать расследование, но потом внезапно всё затихло.

*當舖 (diǎndàng pùzì) — ломбард. Это место, где люди могут заложить свои вещи в обмен на деньги. В старину такие заведения часто служили не только для финансовых операций, но и как временное жильё для путешественников или тех, кто хотел остаться незамеченным.

Дуань Байюэ покачал головой, поднялся из-за стола и сказал:

— Поехали.

— Куда? — возмутился Дуань Яо. — Сейчас же глубокая ночь!

— В столицу! — бросил старший и широкими шагами направился к выходу.

Дуань Яо остолбенел:

«Вот уж люди бывают... Обязательно прямо сейчас ехать?..»

Дуань Нянь тоже удивился:

«Неужели это настолько важно?»

— Наверное, он тайно влюблён в этого Шада, — буркнул подросток, засовывая насекомое в карман. — Вот и всполошился, как только узнал, что тот в городе. Сон потерял и теперь летит на тайное свидание с объектом грёз...

<http://bllate.org/book/14135/1244315>